

НАУКА И ЧЕЛОВЕК

Учредитель: Российская Академия Гуманитарно-Прикладных Наук

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ 1 РАЗ В КВАРТАЛ

ДЕКАБРЬ 2011 ГОДА

№ 1 (1)

Юрий Смирнов

Деятельность Оренбургской экспедиции (позднее комиссии) является одним из самых важных и ярких эпизодов расширения российских пределов, освоения новых земель в XVIII в. Вместе с тем специально ей до сих пор не посвящено ни одной заметной работы. Литература по этой теме в основном сводится к небольшому числу трудов по ранней истории Оренбургской губернии, написанных еще в прошлом (В. Н. Витевский) и даже позапрошлом веке (П. И. Рычков), редким упоминаниям в обобщающих трудах по истории России и биографических очерках деятелей экспедиции.

Деятельность Оренбургской экспедиции (позднее комиссии) является одним из самых важных и ярких эпизодов расширения российских пределов, освоения новых земель в XVIII в. Вместе с тем специально ей до сих пор не посвящено ни одной заметной работы. Литература по этой теме в основном сводится к небольшому числу трудов по ранней истории Оренбургской губернии, написанных еще в прошлом (В. Н. Витевский) и даже позапрошлом веке (П. И. Рычков), редким упоминаниям в обобщающих трудах по истории России и биографических очерках деятелей экспедиции. Региональные исследования и краеведческие публикации по своему характеру и объему не могут восполнить слабую изученность вопросов указанной темы. Особенно это касается территории в междуречье Волги и Урала, поскольку роль экспедиции в истории Башкирии, собственно Оренбуржья, земель казахов и яицких казаков рассматривалась всегда более пристально, чем в отношении Заволжья. Эти обстоятельства определили обращение в данной статье в основном к заволжским аспектам деятельности экспедиции на ее начальном этапе, когда ею руководил И. К. Кирилов.

По устоявшейся историографической традиции возникновение идеи, приведшей к организации Оренбургской экспедиции, обуславливается, прежде всего, ситуацией, которая сложилась в начале XVIII в. в российско-казахских отношениях, стремлением к расширению русской торговли со странами и народами Азии и связывается с именем Петра Первого, а точнее с его пребыванием на Средней и Нижней Волге в 1722 г. Следующими шагами по разработке правительственной стратегии в данном вопросе традиционно считаются русско-казахские переговоры 1731–1732 гг., в ходе которых А. И. Тевкелев выдвинул среди прочих предложение о постройке города на Яике при устье р. Орь, и ответное казахское посольство 1734 года с просьбой об этом строительстве. Венчает замысел Оренбургской экспедиции знаменитый проект сенатского обер-секретаря И. К. Кирилова. В нем Кирилов «высказывает самые блестящие надежды на обширную торговлю со Среднеазиатскими ханствами и Индией; этот проект сильно старался поддержать и дать ему дальнейший ход тайный советник А. П. Бестужев-Рюмин. 1 мая 1734 года последовала высочайшая

резолюция на проект Кирилова. Правительство, уступив доводам Кириллова, избрало его же самого для осуществления проектированных им планов, придав ему в помощники Тевкелева.» Кирилов получил подробную инструкцию, а городу, который еще только предстояло построить, по указу от 7 июня дано имя Оренбург и особая привилегия [1].

Эта традиционная схема при всей своей опоре на реальные факты страдает односторонностью. Действительно в документах, разработанных Кириловым, отодвинуты на задний план башкирские дела и оставлены без внимания заволжские территории. Однако, во-первых, даже теми авторами, которые следуют приведенной выше схеме, она неизбежно корректируется с учетом положения дел в Башкирии, а некоторые башкирские историки находят проблемы своего края главными в «Проекте» Кирилова. Во-вторых, что особенно важно для нашей темы, вне поля зрения остается ситуация в Заволжье. Там в соответствии с указом Сената от 14 февраля 1731 г. по инициативе и под руководством тайного советника Ф. В. Наумова начались крупномасштабные работы по строительству Новой Закамской укрепленной линии «для лучшего охранения низовых городов за Волгою вместо черемшанских форпостов по реке Соку и по другим до реки Ик» [2]. Ее обустройство и заселение практически не изучены и требуют специального исследования.

Кроме того, в имеющейся литературе об Оренбургской комиссии обходится вниманием тот факт, что в 1731 г. по представлению нового руководителя военного ведомства Миниха был принят целый ряд указов о починке старых (в т.ч. в г. Самаре) и строительстве новых крепостей на границах страны, об организации пограничных ландмилицких полков. В числе последних в Заволжье и Закамье были размещены Шешминский, Билярский, Сергиевский конные и Алексеевский пехотный полки ландмилиции. Одновременно увеличивалось число служилых казаков и дворян в Самаре и ее пригороде Алексеевске.

Очевидно, что стабилизация положения при дворе и в государственном аппарате после чехарды дворцовых переворотов 1725–1730 гг., в хозяйстве и финансах страны, оправлявшихся от перенапряжения Северной войны 1700–1721 гг., других петровских походов, позволили правительству активизировать не только западное направление внешней политики России, но и обратить взоры, силы, средства на юго-восток. При таком более широком подходе Оренбургская экспедиция перестает представлять пусть важное, но изолированное явление. Если даже субъективно план Кирилова безоглядно был устремлен в казахские степи, к Средней Азии, Бадахшану, Индии, то объективно он обуславливался и более географически близкими проблемами. Эти проблемы, в т.ч. связанные с освоением Заволжья, очень скоро напомнили о себе, показав, как «нелегко было идти по заманчивым следам Ермака и его последователей» [3] без надежных тылов и коммуникаций.

Кирилов, разместившийся сначала со штабом экспедиции в Уфе, откуда и надеялся проторить путь на Яик, вскоре столкнулся с восстанием в Башкирии. Походы, военные действия, переговоры в 1735 — начале 1736 гг. заставили изменить взгляд на Заволжское оперативное направление как незначимое и третьестепенное в деле обретения, говоря словами Кирилова, «Новой России».

Еще во время первого похода к Яику, результатом которого стала закладка в августе 1735 г. Оренбурга, Кирилов обратил внимание на сведения атамана казачьего Сакмарского городка о том, что «река Самара, впадающая в Волгу, вершинами своими в самую близость к реке Яику подошла. По которым рекам рассуждал о построении крепостей и о населении военными людьми, ведая, что чрез то вся Башкирь ограждена быть имеет... о чем он, Кирилов, и в бытность свою в С.-Петербурге представил и на то позволение получил», — пишет П. И. Рычков, имея в виду поездку Кирилова в столицу зимой 1735–1736 гг. и указ от 11 февраля 1736 г., изданный по его докладу [4].

В мае обострившаяся болезнь заставила Кирилова временно отказаться от личного участия в новых походах. Находясь в Уфе, он детально продумал план передислокации экспедиции в Поволжье, выполнение которого было возложено на П. С. Бахметева.

Флотский поручик Бахметев, тесть Кирилова, оказался в составе экспедиции среди прочих корабельных чинов в расчете на строительство порта на Аральском море. Вместо этого он получил инструкцию подготовить суда, спуститься к г. Самаре, «а оттоль, взяв сведущих людей», следовать «вверх по реке Самаре и ... по той реке построить городки так, чтобы один от другого был расстояния от 20 до 30 и 40 верст, и в тех городках ставил бы из отправленных с ним, Бахметевым, военных людей, сколько где возможно.» 22 июня основная часть экспедиции отплыла по Белой и Каме на Волгу. Бахметев с этой командой благополучно прибыл в Симбирск и, оставив тут на квартирах «коммисских служителей и тягости», сам с «воинскими людьми» немедленно продолжил

путь в Самару. Здесь ему были переданы от канцелярии Новоказакамской линии «потребные к строению городков» материалы и припасы, которые теперь перебрасывались на устройство новой укрепленной черты, более решительно выдвинутой в степь. «И тако в июле и в первых числах августа» Бахметев заложил две крепости, Красносамарскую и Борскую, «и в них малые гарнизоны оставил» [5]. Пройти рекой Самарой выше Борской крепости не удалось, видимо, из-за мелководья. Сам же Кирилов в июле 1736 г. вышел в поход из Уфы. Дойдя до Сакмарского городка на Яике, он отправил в Оренбург команду премьер-майора Останкова и с 250 казаками повернул навстречу отряду Бахметева, с которым и соединился 13 сентября в Борской крепости.

Кирилов, двигаясь к г. Самаре по «новой дороге, которая от него наименована Московскою», назначал места «под крепости» и в некоторых из них «станции нерегулярных людей оставил». Так была основана среди прочих крепость на Бузулуке, притоке р. Самары. Из этих укреплений и должны были образоваться новые Самарская и Яицкая линии. По ведомости, отправленной Кириловым в Кабинет Министров 27 октября 1736 г., всего была заложена или намечена к закладке 21 крепость. Из них пять были расположены по реке Самаре; кроме уже существующих Красносамарской, Борской, Бузулуцкой, здесь намечалось поставить крепости Тоцкую и Сорочью. Из этого же представления в Кабинет видно, что, по мнению Кирилова, было необходимо иметь в каждой крепости от 100 до 500 постоянных жителей — казаков. Пока же поселенцев не было в Борской и Сорочей крепостях, а в Тоцкой числился один казак. В Красносамарскую в казаки было записано 30 чел. из числа ссыльных. Больше всех, а именно 156 чел., пока было определено в Бузулуцкую: 78 яицких и сакмарских казаков, 12 калмыков, 41 «разночинцев», 19 татар и 6 ссыльных [6].

Чтобы пополнить нехватку людей, Кирилов получил разрешение селить на «Московской дороге», то есть на новых укрепленных линиях от Самары до Оренбурга: отставных драгун, солдат и матросов; ссыльных, вместо отправки их в Сибирь; добровольцев из казаков, казачьих и дворянских детей, прочих служилых сословий. Не останавливался он и перед приемом беглых крестьян, не затрудняя себя проверкой их сомнительных рассказов о своем происхождении. Как свидетельствует Рычков, Кирилов «к поселению ж в новых крепостях принимал охотников (добровольцев — Ю. С.), а больше бродящих и объявляющих о себе, что прописные от подушного окладу (т.е. не записаны в число налогоплательщиков — Ю. С.), коих тогда немалое число им, Кириловым, записано и в те крепости с надлежащею ссудою деньгами и провиантом на поселение отправлено.» [7]. По новым укрепленным линиям, как вода в руслах каналов, начал растекаться поток вольной народной колонизации.

Подтверждением тому могут служить сведения (см. Табл.), поданные немного позже смерти Кирилова, но подводившие итоги усилий именно его администрации по заселению Самарской линии. В шесть поселений по р. Самаре было определено 1186 чел., что составило 39 % общего числа казаков (3040 чел.) во всех 16 крепостях и слободах, имевшихся тогда на Московской дороге, включая Оренбург.

Нетрудно заметить, что подавляющее число поселенцев составили, так называемые, «разночинцы», под именем которых подразумеваются, прежде всего, русские гулящие и беглые люди. Вместе с государственными крестьянами из мордвы вольные переселенцы из низших сословий, в основном бывшие крестьяне, составляли почти три четверти новоприборных казаков, а с учетом принудительно переведенных ссыльных доля представителей этих общественных слоев в крепостях и слободах Самарской линии превысила 85 %.

Эти общие наблюдения подтверждаются конкретными фактами из биографий первопоселенцев Красносамарской крепости. Так, среди зачисленных в здешние казаки в 1737 г. были дворцовые крестьяне Владимирского и Суздальского уездов С. И. Юдин и П. И. Мухин, пахотный солдат из-под Сурска Ф. В. Бучков, другие укрывавшиеся от подушной переписи и самовольно покинувшие места жительства крестьяне. Некоторые из них записались на службу добровольно, другие были на Самарскую линию высланы принудительно [8].

Потомственные казаки и прочие служилые русские люди находились среди этих поселенцев в меньшинстве (11,5 %). Еще менее значительной была доля выходцев из служилого нерусского населения (калмыки, татары, ногайцы и т.п.) — 3 %.

Таблица

Численность и состав поселенцев-казаков на Самарской линии по данным на 1 июня 1737 г.

№	Название поселения	Всего	Из служилых казаков (уфимских и самарских)	Из вольных казаков (яицких и сакмарских)	Из городских служилых людей	Из калмыков и арапов	Из уфимских татар и ногайцев	Из мордвы	Из разночинцев	Из ссыльных
1	Крепость Сорочья	200		1				2	128	69
2	Крепость Тоцкая	200	1	1	1			1	134	62
3	Крепость Бузулуцкая	300		78		12	19		185	6
4	Крепость Борская	200		39	5		2	21	133	
5	Крепость Красносамарская	200			9	2		2	167	20
6	Слобода Мочинская	86	1						85	
Всего (чел.)		1186	2	119	15	14	21	26	832	157
в %		100%	0,2%	10,0%	1,3%	1,2%	1,8%	2,2%	70,2%	13,2%

Источник: ГАОО. Ф.2. Оп. 1. Д.1. Л. 75 об.-76.

Поселенцы в новых крепостях были не только воинами, но и тружениками. Им самим пришлось строить укрепления, так как Кирилов держал свое обещание правительству: «... а работников с государства к работе оных городков требовать не буду.» Им же предстояло осваивать здешние плодородные земли, о которых Кирилов докладывал с нескрываемым удовлетворением: «... ни одного места нет с недостатком к житью человеческому: земля черная, леса, луга, рыбные, звериные ловли довольные» [9]

Прибывавшие в течение осени, зимы и весны новые казаки оставались большей частью в Самаре. Их перевели в крепости на постоянное жительство уже в течение лета [10]. До окончательного обустройства Оренбурга, первоначальное местоположение которого оказалось неудачным, Кирилов решает передислоцироваться со своим штабом временно в Самару, но отдает распоряжение о переезде весной 1737г. в Красносамарскую крепость, где начались заготовка леса, возведение жилых, административных и хозяйственных построек для нужд экспедиции. Однако изб было еще мало, и отправленных туда в первую очередь ссыльных «содержали в землянках и от того многое число померло». Правда, командиры, поставленные над ссыльными, уверяли, что те умирали «от воли Божьей, а не от того, что жили в землянках» [11].

Позднее высказывалось мнение, что «статский советник Кирилов основание своего пребывания положил в Красносамарске ... для того, что Самара и Алексеевск не под его ведением» [12]. Замечание выглядит основательным, хотя сведений о конфликтах Кирилова с самарскими властями у нас нет. Однако имелся негативный опыт Ф.В. Наумова, управлявшего строительством Новозакамской линии из Самары и имевшего частые трения с местной администрацией [13]. Также на решение Кирилова повлиял расчет на то, что до Красносамарской крепости поддерживался более или менее устойчивый судоводный ход по сравнительно мелководной реке Самаре, благодаря чему несколько сокращалась сухопутная дорога до Оренбурга. И в целом привязка новой укрепленной линии к этой реке связывалась с надеждой в дальнейшем «сыскать удобной водяной путь к Оренбурху» [14]. По настоянию Кирилова, при закупке провианта, нужного экспедиции, в Чебоксарах и Козьмодемьянске подрядчики обязывались к постройке «новоманерных плоскодонных судов по осми и по девети сажен с лубяною крышкою и лотками». На них мука сначала доставлялась по Волге, затем вверх по р. Самаре до Красносамарской крепости, а при благоприятных условиях даже еще выше. В качестве рабочих на судах, когда те шли против

течения Самары, использовали каторжан, ссыльных и солдат [15]. В том же 1736г. были сделаны публикации, приглашавшие всех желающих взять казенные подряды для поставки в Оренбург провианта, обращаться в Самару, а не в Уфу. На приглашение откликнулись торговцы и возчики из ближнего приволжского села Усоля, недалекого Симбирска, столичного Санкт-Петербурга, с казачьего Яика.

В Самару же Кирилов вызвал И. Рычкова, отца П. И. Рычкова, в целях «установления и учреждения новой коммерции» и составления таможенного тарифа для азиатской торговли. Об обоснованности надежд на развитие последней говорило прибытие из Ташкента нескольких купцов с их товарищами, которые летом «в Самару приехали, и, исторговавшись в Казани, весны ожидали в Самаре» [16]. В городе находились и другие иностранные купцы, например, англичанин Хогг и индеец Маравий. С последним связывались надежды на установление не только торговых, но и дипломатических отношений с манящей европейцев страной. Кирилов и его сотрудники не сомневались, что до нее не так уж далеко, надо только добраться до Аральского моря, а из него по Амударье и Сырдарье плыть в Индию, благо, были они уверены, по берегам Аральского моря достаточно дубового леса для строительства и ремонта судов, а местные жители не знают ни судоходства, ни огнестрельного оружия и ничем помешать русским не могут. Однако из соотечественников послать было некого, а находившийся при экспедиции в качестве живописца англичанин Джон Кэстль от чести отправиться русским послом в Индию отказался, посчитав предложенное Кириловым через П. И. Рычкова жалование (800 руб. в год) недостаточным. Но основная причина неудачи с организацией такого посольства состояла не столько в строптивости англичанина, показавшего до того неплохие дипломатические способности в переговорах с казахами, сколько в том, что насущные дела отодвинули реализацию индийских проектов на неопределенный срок.

В Самаре за всеми административными хлопотами Кирилов не оставлял научных занятий, взял с собой из сенатского архива необходимые для работы рукописи и книги. Во время экспедиции Кирилов продолжал трудиться над «Экстрактом к пользе российской истории древней» и другими сочинениями, собирал новые документы. Будучи крупнейшим специалистом России, в области топографо-картографических работ, он и во время Оренбургской экспедиции занимался составлением географических карт. Академия наук снабжала Кирилова в Самаре необходимыми книгами и инструментами.

Позднее именно в Самаре при разборе бумаг Кирилова была обнаружена рукопись его ставшего знаменитым труда «Цветущее состояние Всероссийского Государства», которую отослали в Академию Наук вместе с другими сочинениями и записками автора. О продолжавшейся до последних дней работе над текстом «Цветущего состояния» свидетельствуют вставки в рукописи о местах, изученных в ходе Оренбургской экспедиции, например, о г. Самаре, которые делали сам Кирилов и его сотрудники (последние — даже после смерти автора).

Особенно заразил пример Кирилова и приохотил к научным занятиям историей, географией, статистикой молодого бухгалтера экспедиции П. И. Рычкова. Это происходило не в ущерб основным служебным обязанностям последнего. В сенатском указе от 14 октября с удовлетворением отмечалось: «о всех приходах и расходах с начала той комиссии и по нынешней 1737 год щеты в ревизион-коллегию отосланы и из оных краткие экстракты в Кабинет сообщены, которые сочинены по бухгалтерскому обыкновению...» [17].

С завершением переезда всей канцелярии из Симбирска, где ее первоначально оставил Бахметев, в Самару в конце января 1737 г., ведение приказных дел было поручено казначею экспедиции Гавриле Замятнину. Основное внимание обращалось на вопросы, связанные с устройством крепостей по Московской дороге на Оренбург.

Условия жизни и работы в Самаре были сложными, быт не совсем обустроенным, хотя современники не сходятся здесь во мнении. «Двор, в котором жил статский советник Кирилов был весьма худ ..., для стужи жить было невозможно., а в канцелярии прежней уместитца было невозможно...», — заявлял В. Н. Татищев. Ему возражал А. И. Тевкелев: «В Самаре в доме, в котором жил статский советник Кирилов, покоев было довольно ..., а хоромы были теплые, а не холодные.» Всего же двор в Самаре, занятый Кириловым, имел 5 жилых комнат — «покоев». «Из них в 4 покоях обито холстом и выбелено». К ним примыкали или стояли поблизости «людских 2 избы, трои сеней, в одних очаг, 2 погребов ветхих, конюшня небольшая, сарай небольшой ветхой» [18].

Многие канцелярские дела при Кирилове велись в его покоях, где он решал важнейшие из них, не выходя из-за болезни и накладывая резолюции прямо на подлинные письма вместо оформления протоколов, так как ни протоколиста, ни регистратора у него в штате не было. Присутствующие руководители экспедиции, секретари и подьячие занимали две людские избы на дворе. Те приказные служители, которым не хватало там места, размещались «по разным обывательским избам», что не способствовало соблюдению порядка делопроизводства и «было не без утеснения», хотя неудобства от тесноты ощущали далеко не все канцелярские служители, так как дела экспедиции были пока «новозачатые без умножения» [19].

В начале 1737 г. край, находившийся в ведении Оренбургской экспедиции, казался достаточно укрепленным и более безопасным от нападений кочевников, чем до того времени. Кирилов начал снова готовиться к походу в Оренбург и хлопотать о снаряжении в первого торгового каравана в Ташкент «для основания азиатской коммерции» и для разведки обо «всех бы тамошних обстоятельствах», а особенно о так занимавшей Кирилова возможности судоходства по Аральскому морю и среднеазиатским рекам. Смерть расстроила его планы. 14 апреля 1737 г. он умер и 16 апреля был погребен в самарской церкви Николая Чудотворца.

10 мая 1737 г. состоялся указ о назначении на место умершего Кирилова В. Н. Татищева. Однако, Татищев не мог прибыть к экспедиции немедленно, не сдав дела по управлению Уральскими заводами.

При таком положении дел до приезда Татищева в Самару естественным было продолжение реализации планов, разработанных Кириловым, без их серьезной ревизии. Тем более этому способствовало пребывание в руководстве экспедиции ближайших сотрудников прежнего начальника. Дела по канцелярии экспедиции согласно указу Кабинета от 7 мая принял Бахметев. Тевкелев, узнав о смерти Кирилова, также возвратился из Башкирии в Самару, где вместе с Бахметевым продолжил перевод экспедиции в Красносамарскую крепость, «куда и сами они на житье переехали». Летом «ходил он, Бахметев, с командою и застроил по Оренбургской дороге крепосцы вверх по реке Самаре Тоцкой, Сорочей, по Яику Караульной ... да Берцкой.» [20], намеченные к строительству еще Кириловым.

По словам П. И. Рычкова, Кирилов, хотя «разные человеческие недостатки и пороки имел... и тем разные на себя нарекания навлек, но сию правду поистине надлежит ему отдать, что он о пользе государственной, сколько знать мог, прилежное имел попечение, и труды к трудам до самой своей кончины прилагал, предпочитая интерес государственный паче своего.» [21]. Семье остались только долги умершего да казенный начет в 2900 руб., из-за которого вдову чуть было не лишили жалованья, причитавшегося мужу. Благо помог получить это жалованье ее отец, П. С. Бахметев. Правда, затем эта родственная услуга доставила Бахметеву немало неприятностей от нового начальника.

По-настоящему заслуги Кирилова были осознаны властями и признаны четверть века спустя. В 1761 г. П. И. Шувалов вошел с представлением в Сенат: «Доверие, которое оказывает нам наша государыня, обязывает нас ходатайствовать за людей, которые отваживались на предприятия, оказавшиеся чрезвычайно полезными для отечества. Семейство Ивана Кириллова находится в крайней бедности и, можно сказать, остается без пропитания, а Кириллов оказал отечеству знатную услугу: доказательством служат те плоды, которые получают от Оренбурга и его губернии..., а на виновнике этого богатства Кириллове до сих пор числится долгу 7591 рубль, и этот долг надобно взыскать с сына его обер-аудитора Военной коллегии». Сенат решил просить о пожаловании Кирилову-младшему 10 000 руб. с зачетом в ту сумму долгов его отца [22].

Со временем стали сбываться предсказания Кирилова, сделанные в самый канун основания первых крепостей по Самарской линии: «Что же до строения городков надлежит, и в том не на одно сие время, но вечный интерес зависит, и слава победоносного оружия вашего величества купно со отворением полезной коммерции во всю полуденную Азию распространится, ибо в самых пустых и доселе неизвестных или брошенных местах несколько новых провинций под державу вашего величества прибудет с таким подземным плодом, о котором многие еще не верят; и к тому страждущее в басурманских руках христианство (т.е., в Хиве, Бухарах, Балхе, Бодокшане и иных) свободу получит, и впредь туда из крайних русских селений никак заяицким татарам воровскими набегами в полон брать или красть будет нельзя.» [23]

Но прежде чем заслуги Кирилова станут общепризнанными, Татищев бросит тяжелые и резкие слова в адрес своего предшественника и всей Оренбургской экспедиции, «которую, как видно, по

обману Тевкелева и Кирилова ... начали, ...оное вымышлено более для собственной, нежели казенной пользы» [24]. Чтобы понять причину таких обвинений, надо обратиться не только и не столько к деятельности Кирилова, сколько к обстоятельствам, связанным с пребыванием самого Татищева во главе Оренбургской комиссии, однако это является уже предметом особого разговора.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. ПСЗ. Т. IX. Спб., 1830. № 6571, 6576, 6584; Витевский В. Н. И. И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. Вып. 1. Казань, 1889. С.138–139.
2. Вестник императорского Русского географического общества. 1851. Ч.1. Кн. 2. Отд. VI. С.63.
3. Витевский В. Н. Указ. соч. Вып. 1. С.141.
4. ПСЗ. Т. IX. № 6890; Рычков П. И. История Оренбургская. Оренбург, 1896. С.23.
5. Рычков П. И. История. С.25.
6. Там же. С.27; ГАСО. Ф.388. Оп. 2. Д.837.
7. Рычков П. И. История. С.28.
8. РГАДА. Ф.248. Оп. 3. Д.144. Л.3–4.
9. Соловьев С. М. Сочинения Кн. X. М., 1993. С.582.
10. РГАДА. Ф.248. Оп. 5. Д.312. Л. 41об.
11. Там же. Л. 31об., 38об.
12. Там же. Д.313. Л. 30об.
13. Смирнов Ю. Н. Уездные, городские и временные органы управления в Самаре начала и середины XVIII в. // Самарский земский сборник. Самара, 1995. С.5–7.
14. ГАОО. Ф.2. Оп. 1. Д.1. Л. 67об.
15. РГАДА. Ф.248. Оп. 5. Д.313. Л. 2 боб.; Д.316. Л. 1 и об., 17.
16. РГАДА. Ф.248. Оп. 5. Д.317. Л. 415 об.; Рычков П. И. История. С.28.
17. РГАДА. Ф.248. Оп. 5. Д.313. Л. 19об.
18. Там же. Д.312. Л. 32,34,39.
19. Там же. Л. 39 об.– 40.
20. Там же. Л.186.
21. Рычков П. И. История. С.29.
22. Соловьев С. М. Указ. соч. Кн. XII. С.551–552.
23. Там же. Кн. X. С.582.
24. Пекарский П. Новые известия о В. Н. Татищеве. СПб., 1864. С.38